

**«Пекинский консенсус» и соревнование цивилизаций:
«азиатские ценности» и отношения Китая и США в XXI веке**

В. Попов, профессор Российской экономической школы

Потенциальный конфликт между США и Китаем в долгосрочном плане связан не только с различием моделей экономического роста, но и с цивилизационными различиями, с разной системой ценностей. Это не обязательно выльется в набивший оскомину «конфликт цивилизаций», но соревнования в этой области не избежать.

«Азиатские ценности»

«Азиатские ценности» – это приоритет интересов общины (деревни, предприятия, нации, мирового сообщества) над интересами индивидуума. Они часто противопоставляются западным ценностям, в основе которых посылка о неотъемлемых, священных правах человека, которые не могут быть отчуждены от индивидуума ни при каких обстоятельствах даже ради достижения высшего общественного блага. Известный политический философ Джон Роулс сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: согласно Роулсу¹, права человека, включая политические права, «не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете общественных интересов».

С другой стороны, защитники «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, настаивают на приоритете интересов общества над интересами индивидуума, считая, что в принципе политическими правами отдельных индивидуумов можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например, ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства. По словам Аматьи Сена, «Ли Кван Ю, бывший премьер-министр Сингапура и горячий сторонник «азиатских ценностей»,

---

¹ Rawls, John . A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

защищал авторитарную модель правления как раз на том основании, что она эффективна для достижения экономического успеха².

Из заложенного в “азиатских ценностях” принципа компромисса (для достижения высшего общественного блага) логически вытекает и другой – терпимость к разным формам общественного устройства, уважение к альтернативе, к эксперименту, понимание, что для выживания и процветания общины (нации, цивилизации) можно поступиться всеми идеологиями и “измами” вместе взятыми. Эта терпимость высоко ценится другими странами и часто противопоставляется американской агрессивности и примитивному делению мира на “наших” и “ваших”.

Китайское руководство не вмешивается в дела других государств и не учит жить других, даже когда помогает им материально: китайская помощь развивающимся странам не связана никакими условиями. Китай не вводит санкций и эмбарго против других стран, считая их неуместными в принципе. Даже с Тайванем КНР все время стремилась к развитию торгово-экономических и культурных связей, тогда как именно Тайвань этому всемерно сопротивлялся. До сих пор китайские инвестиции на Тайване практически отсутствуют (запрещены; если их разрешить, КНР просто скупила бы остров на корню), тогда как тайваньские бизнесмены вложили в экономику материкового Китая порядка 100 млрд. долл.

Как говорил величайший военный стратег всех времен и народов Сунь Цзы 25 веков назад, «сражаться и побеждать в каждой битве – это не высшее совершенство; высшее искусство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага без сражения».³ Похоже, и прошлые, и нынешние правители Китая, не всегда, конечно, но гораздо чаще, чем лидеры других стран, стараются руководствоваться этим принципом – не захватывать и принуждать, а утверждать лидерство собственным примером. Китай, возможно, становится «асимметричной сверхдержавой», по выражению Дж. Рамо, автора другого известного выражения –

---

² Sen, Amartya. Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia. – *The New Republic*, July 14, 1997, Vol. 217, No. 2-3.

³ Sun Tzu. *The Art of War*. Translated from Chinese by L. Giles. MA., 1910.

«пекинский консенсус», отличительными чертами которого, как он говорит, являются скептическое отношение к приватизации и свободной торговле и убеждение, что глобализация не должна приводить к подрыву национального суверенитета и к разрушению национальных моделей развития. «Вместо того, чтобы копировать сверхдержаву американского типа, бряцающую оружием и нетерпимую к другим, – пишет он, – Китай завоевывает влияние в мире примером собственной модели, силой своей экономической системы и жесткой защитой национального суверенитета»⁴. Может быть, именно в «азиатских ценностях» и заключен секрет исключительного долгожития и устойчивости китайской цивилизации и государственности?

Ведь Китай – не просто самое древнее государство, преемственность культуры в котором никогда не прерывалась, но в течение последних 2000 лет, за исключением разве что пары последних столетий, – самое могущественное государство мира. В средние века Китай фактически оказался одной из немногих старейших цивилизаций, не утратившей преемственности со своими древними корнями. Месопотамия и Египет, Греция и Рим, арабские халифаты и монгольские ханства, рушились под натиском завоевателей, а в Китае одна династия сменяла другую. Только дважды Китай был завоеван – монголами в XII веке н.э., основавшими затем свою династию Юань (1279-1368гг.н.э.) и маньчжурами в начале XVII века, основавшими последнюю китайскую династию Цин (1644-1911гг.), но завоеватели неизменно окитаивались и поглощались огромной цивилизацией.

Еще и в 1820г. Китай, население которого составляло тогда 342 миллиона человек против 122 миллионов во всех странах, которые теперь называют Западом, превосходил по объему ВВП все остальные страны (хотя уже и отставал в 2 раза по уровню ВВП на душу от Запада) и только позже уступил первое место Британии. В 1830г. на страны, которые потом стали называться «третьим миром», приходилось 60% мирового производства обрабатывающей промышленности, в том числе на Китай – порядка 30%. Только в XIX-XX веках империя утратила мировое лидерство, но сейчас, похоже, все возвращается на круги своя.

---

⁴ Newsweek, May 9, 2005.

Терпимость к альтернативе

Даже и после революции 1949г. и образования КНР китайское коммунистическое руководство, включая Мао Цзэдуна, проявляло куда больше гибкости и терпимости, чем обычно считается. Когда части 8-ой Народно-Революционной Армии, оттесняя в 1949г. гоминдановцев на Тайвань, подошли к Гонконгу, им ничего не мешало взять его, что называется, с марша, он не мог оказать им никакого военного сопротивления. Незадолго до этого Мао не послушал Сталина, настойчиво советовавшего ему не двигать войска на юг, не пересекать Янцзы и оставить в покое гоминдановское правительство в Нанкине. Кто знает, если бы Мао внял тогда советским предложениям, Китай до сих пор был бы разделен на две части, как Корея. Однако, подойдя к Сянгану, Мао неожиданно остановился. Говорят, он решил тогда оставить Гонконг Британии, просто чтобы посмотреть, что у них получится. Видимо, он искренне надеялся, что свободный Китай докажет свое преимущество в экономическом соревновании с колониальным анклавом империализма.

Получилось с точностью до наоборот: Гонконг быстро стал самым богатым азиатским городом, превзойдя даже Англию, свою метрополию, по уровню жизни. Однако в решении Мао, согласитесь, были и калибр, и воображение, и стратегическая дальновидность. Три десятилетия Гонгонг был живым укором экономической политике КПК, но даже в самые голодные годы «большого скачка» туда шли эшелоны с продовольствием из Гуандуна в строгом соответствии с подписанными контрактами. В конце концов, не в последнюю очередь благодаря Гонконгу, оставленному в роли «контрольного участка», на котором результаты оказались лучшими, чем на «опытном», в Китае начались реформы Дэн Сяопина в 1978г. Да и философия этих реформ была схожей: экспериментировать, «чувствовать камни под ногами при переходе реки». Сам же автор самых крупных в истории человечества экспериментов в области социальной инженерии был крайне скромным в окончательном подведении итогов. Говорят, когда при Мао, спросили об исторической роли Великой французской революции XVIII века, он ответил: «пока что слишком рано судить...». (Эти слова часто приписывают Мао, но на самом деле так сказал Чжоу Эньлай, премьер Госсовета КНР при Мао.)

То же и с Тибетом. Мало кто знает, например, то, что в Китае знает каждый школьник: в течение 10 лет после победы коммунистической революции в Китае и создания КНР, вплоть до 1959г. Тибет пользовался практически полной автономией во внутренних делах. До такой степени, что в Тибете существовала кастовая система и крепостное право (с продажей людей и прочими феодальными «прелестями»!), так как при китайских императорах. Из уважения к внутренней автономии Тибета коммунистическое правительство Китая первые 10 лет после революции не вмешивалось в социальное устройство архаичного тибетского общества, так что во вторую половину XX века Тибет вступил как последний заповедник крепостного права на планете: 90% населения – крепостные крестьяне, 5% - домашние крепостные слуги, остальные 5% буддистские монахи и земельная аристократия. Так, регент Дагжаг, глава местного тибетского правительства до 1959г. при нынешнем, 14-ом, Далай-ламе, владел 100 гектарами земли и 80 крепостными.

Восстание 1959г. в Тибете началось под лозунгом независимости (автономии-то у Тибета было и при коммунистах больше, чем достаточно) и фактически не оставило центральному правительству в Пекине выбора. Подавление восстания Народно-освободительной армией Китая было уничтожением последнего оплота сепаратизма, а заодно и крепостничества, примерно как война Севера и Юга в США за сто лет до этого. Далай-лама, между прочим, бежавший в Индию вместе с землевладельцами-крепостниками, до 1964г. вообще ничего не говорил о демократии, то есть, получается, боролся за восстановление крепостничества в Тибете. Китайское же правительство после 1959г. и крепостное право в Тибете отменило, и земельную реформу провело, и школьную систему, которой раньше вообще не было, создало, и инвестиции направляет, так что Далай-лама, в Тибете не столь популярен, как в мире...

Кто – кого?

В общем «азиатские ценности» могут оказаться более привлекательными для других стран, чем протестантская «свобода личности с правами человека». Все-таки китайской цивилизации уже 5000 лет, и только она одна не сошла с дистанции, как другие. Открывшееся же у Китая в последние 25 (или 50) лет «второе дыхание» заставляет

рассматривать отставание в XIX – первой половине XX века как «временные трудности роста».

Собственно говоря, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма XVI века было универсальным принципом всего человечества – никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до этого времени не было. Перечитайте «Ветхий Завет» – сколько народа, своего и чужого, загубил Моисей во имя высшей божественной цели привести соплеменников в «землю обетованную» и произвести от них «народ сильный и многочисленный». Нациям надо было тогда выживать в трудной борьбе с врагами – какие уж тут права человека, когда фараон по пятам гонится...

Одно время казалось, что Запад, поставивший на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации и экономически, и в военном и культурном отношении, так что им остается только подражать Западу, чтобы добиться таких же успехов. Однако новый подъем Восточной Азии в послевоенный период, и особенно центра Восточной Азии – Китая, заставляет думать, что в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку.

Как же сложатся в XXI веке отношения США и Китая – двух самых мощных стран (Китай уже обогнал Японию по общему размеру ВВП, если считать по паритету покупательной способности)? Сценариев несколько. Если текущие конфликты с Западом (курс юаня, защита прав на интеллектуальную собственность, демократизация Китая) будут разрешены так, как хотят США, быстрый китайский рост, видимо, замедлится, и США еще надолго сохранят свое лидерство. Но лидерство это будет неизбежно означать дальнейшее распространение либеральной модели развития и западных ценностей в глобальном масштабе, что вызовет ответную реакцию – конфликты со всем остальным миром, видимо, станут еще более интенсивными.

Если же Китай будет и дальше расти по 10% в год, то он неизбежно станет через два-три десятилетия мировым лидером даже не наряду с США, а, скорее всего, вместо США. Вопрос заключается в том, что при этом произойдет с восточноазиатской моделью развития и с «азиатскими ценностями»: либо они будут замещены традиционными западными (тогда

смена лидера будет похожа на переход пальмы первенства от Англии к США в XX веке), либо, наоборот, они постепенно распространяться на весь мир, включая США. Не исключен, конечно, и некий компромисс между двумя моделями и двумя системами ценностей. Одно можно сказать с уверенностью – нынешнему поколению 20-летних предстоит жить в интересные времена.